

Елена Б. Шестопал

Психологический подход к оценке российской политической элиты

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

российские политические элиты, человеческий капитал, политическая психология

STUDIA I ANALIZY

Начавшийся электоральный цикл 2011–2012 г.г. принес множество политических сюжетов, главными действующими лицами которых стали представители политической элиты. Это и коррупционные скандалы, в которые вовлечены министры, депутаты, губернаторы, не говоря уже о чиновниках более скромного уровня. Особенно занимательны истории добровольного ухода депутатов из Думы и их принудительного лишения мандатов, плагиат в диссертациях высоких чиновников и незадекларированная собственность за рубежом. Список, естественно, неполон, но тенденция видна: правящая элита стала терять завоеванные ею позиции, достигнутое ею положение стало достаточно зыбким, что вновь выдвинуло на повестку дня проблему анализа поведения и сознания представителей этой самой политической элиты. Текущие политические процессы в элите и в обществе не поддаются интерпретации только посредством анализа институтов. Особенно актуальным становится психологическое измерение политики в целом и анализа политических элит в особенности. Сегодня раскол элиты мало кем оспаривается. А ведь именно от наличия консенсуса элит по ключевым вопросам или, напротив, конфликтов и расхождения интересов основных игроков, зависит по большому счету вектор политического развития страны.

В современной политологической литературе, как у нас в стране, так и за рубежом, нет недостатка в фундаментальных работах, посвященных

категории «политических элит»¹. Но ее трактовки достаточно противоречивы. Главный спор ведется вокруг того, каких акторов можно включить в политическую элиту. Сам термин элита предполагает, что в ее круг должны входить лучшие, на деле же нередко критерием принадлежности к данной категории вообще и к политической элите в частности, служат совершенно иные параметры: личная лояльность к лидеру, деньги, сила, случайность, происхождение и т.п. Отсюда нередкие возражения в адрес тех или иных представителей элит: они – де недостойны называться элитой в силу различных своих несовершенств. Данный – оценочный – подход в политической науке (в отличие от публицистики и политики) давно преодолен, и элиту стали интерпретировать не в соответствии с тем, являются ли ее представители лучшими в своем роде или нет, а лишь как лиц, занимающих определенный статус в политической системе, который позволяет им оказывать влияние на принятие ключевых политических решений.

Но следует при этом помнить, что отнесение того или иного политика к числу представителей элиты по формальному статусу в политической системе, тем не менее, не снимает с повестки дня проблемы оценки качества элиты.

Соответствие или несоответствие вызовам времени способностей и возможностей, профессионализма и моральных качеств элиты – определяет не только оценку власти со стороны рядовых граждан, но и конкурентоспособность всей политической системы, ее устойчивость и возможности ее модернизации. Поэтому наряду с анализом объективных характеристик представителей политической элиты политология не может не задаваться вопросом о **субъективных** параметрах ее оценки. Такую задачу можно решить только на пересечении проблемных полей собственно политологического и психологического анализа.

Еще один ключевой теоретический и не менее важный с практической точки зрения вопрос, касающийся элиты, – это вопрос о каналах и механизмах ее рекрутирования. Этот вопрос важен в первую очередь с точки зрения легитимации элиты. Если в прежней советской системе всем (представителям элиты, равно как и рядовым гражданам) были понятны правила игры, то в постсоветской политической системе эти механизмы уже в который раз «перенастраиваются» заново. Если в обществе нет прозрачных и всем понятных правил отбора на высшие политические позиции, то это ведет

¹ См. М. Dogan, J. Higley, *Elites, Crisis and Regimes in Comparative Perspective Analysis*, [in:] М. Dogan, J. Higley, *Elites, Crisis and the Origine of Regimes*, New York – Oxford 1998; П. Бурдые, *Социология политики*, Москва 1993, с. 55–56, О.В. Гаман-Голутвина, *Политические элиты России: персональный состав и тенденции эволюции*, Москва 2004.

к недоверию граждан к элите, – с одной стороны, и к дефициту профессиональных и опытных кадров, к короткой скамейке запасных, – с другой.

И та непрозрачность, а нередко и несправедливость (по оценке граждан), которые сопровождают «возгонку» представителей элит на политический Олимп (термин Паркинсона) серьезно подрывают доверие к элитам. Поэтому анализ биографических траекторий представителей элиты, каналов и механизмов рекрутирования выполняет важную задачу, проясняя, откуда и как пришли на свои посты высшие представители политической элиты страны, за счет каких психологических качеств им удалось занять свои посты.

Одним из важных направлений исследования современной политической элиты России является выявление представлений и ценностей, различных характеристик ее политического менталитета. Еще сначала до середины 2000-х мы проводили экспертные интервью, в которых нас поразило несколько моментов². Во-первых, даже при начальном поверхностном анализе мы не увидели серьезных различий в представлениях рядовых граждан и политиков. Это заставило нас задуматься о том, что собой представляет наша элита в политическом и психологическом смыслах. Во-вторых, политическое сознание элиты в тот период отличалось довольно хаотичным набором ценностей и смыслов, что не позволяло говорить о выполнении элитой ее «идеологической», ценностной, целеполагающей функции в государстве. И, в-третьих, одним из выводов было заключение о той ключевой роли, которую качество политической элиты, ее человеческий капитал играет в приближении будущего.

Замысел нового исследования, выполненного в 2010-е гг., состоял в том, чтобы не просто разобраться в психологии представителей российского политического класса, а на саму эту психологию посмотреть, как на некий ресурс, для обозначения которого мы использовали термин **«человеческий капитал»**. Термин этот, признаем, не всеми используется. Многим политологам он не нравится и тем, что заимствован из экономики, в силу этого излишне прагматичен, а также несколько расплывчат. Кроме того, вроде, если есть капитал, то он должен приносить доход, а в случае с нашей политической элитой, мы наблюдаем все больше убытки.

Но при всех этих недостатках, концепт «человеческого капитала» работает. Он побудил нас использовать его, поскольку в нем заложен большой

² Е.Б. Шестопап, *Проекция реальности. Определенности и варианты. Интервью «НГ-сценарии»*, НГ-сценарии, 23 октября 2007 г.; Е.Б. Шестопап, *Сценарии развития внутренней политики России на среднесрочный период: взгляд из центра и регионов*, [в:] *Постсоветская Россия: специфика политического процесса и состояние государственности*, Москва 2008, Горбачев-фонд, с. 13–20.

потенциал, связанный с «человеческим измерением» политики, куда мы включаем целый набор психологических параметров, таких, как цели и ценности, мотивы и стиль политического поведения и другие, не менее важные психологические компоненты, на которые политологи начинают обращать все большее внимание. Такой интерес современной политологии к «человеческому капиталу» связан с тем, что чисто институциональный анализ в условиях трансформирующейся политики и быстро меняющегося общества нередко либо недостаточен, либо просто не ухватывает источник происходящих перемен и не может объяснить их. Если же говорить о российской политике, для которой всегда была характерна порой даже избыточная персонифицированность, то объяснять ее в отрыве от того психологического содержания, которое входит в понятие «человеческий капитал», представляется весьма затруднительным. С этим связан тот угол зрения на российскую политическую элиту, который в данной работе мы анализируем посредством концепта «человеческий капитал».

Другое ключевое понятие данной работы – **политическая элита**. Эта категория политического анализа намного лучше разработана и исследована.

В недавно вышедшей книге³ мы попытались не просто описать, но и измерить как величину человеческого капитала, так и «стоимость», потенциал его отдельных компонентов. Для этого нам пришлось обратиться, как к некоторым объективным (формальным) показателям: полу, возрасту, образованию, профессии, происхождению и пр., так и к тому, что оказалось наименее изученным, а именно – к субъективному срезу анализа российской политической элиты: то есть к содержанию представлений, ценностей, мотивов и других психологических компонентов «ментальной начинки» ведущих российских политиков – министров, губернаторов депутатов, лидеров политических партий.

Сама по себе задача изучения личности политика в политической психологии не нова. В мировой и отечественной литературе есть немало работ, посвященных созданию психологических портретов или профилей ведущих политиков: президентов, конгрессменов, лидеров партий. Сошлемся на научные труды таких авторов, как Д. Уинтер, О. Иммельман, Дж. Пост, Дж. Макгрегор Бернс, Ф. Гринстайн, Б. Глэд, Кристл де Ландшир, Н.М. Ракитянский, Е.В. Егорова-Гантман и другие, которые в своих работах дали точные и глубокие психологические характеристики многих мировых и российских лидеров. Но, во-первых, никто из политических психологов не ставил перед собой задачу дать «коллективный психологический портрет элиты в целом,

³ Е.Б. Шестопал, А.В. Селезнева (ред.), *Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ*, Москва 2012.

ограничиваясь задачами исследования отдельных лидеров. Во-вторых, в этом направлении исследования преобладали задачи именно психологического портретирования, как правило, в отрыве от политологического анализа, который предполагает акцент на политическом содержании тех компонентов личности политиков, который позволяет сделать выводы о состоянии самой политической системы, механизмов рекрутирования ею новой генерации политиков. И, наконец, новизна данного проекта состоит в попытке анализа образов действующих российских политиков: министров, губернаторов, сенаторов и депутатов, кроме, пожалуй, Президентом.

Предварительная проработка проблемного поля исследования позволила выдвинуть некоторые гипотезы, проверявшиеся нами в эмпирическом исследовании. **Первая** из них состоит в том, что качество модернизации политической системы в России во многом упирается в качество человеческого капитала ее политических элит. Несомненно, у нынешнего поколения политической элиты есть немалый потенциал, чтобы выполнять возложенные на нее функции: уже накоплен немалый политический опыт, наша элита получила высокий уровень образования, у нее есть знания и навыки, позволившие ей благополучно вывести страну из многочисленных кризисных ситуаций постсоветского времени. Можно предположить, что если такой социальный и политический бэкграунд элиты был достаточен для предшествующего этапа развития политического процесса, то он позволит элите выполнить свою лидерскую роль и на следующем витке развития в новом электоральном цикле. Однако это предположение нуждается в дополнительном изучении, поскольку очередной электоральный цикл, едва начавшись, поставил совершенно новые задачи перед политическим классом и потребовал иных качеств и навыков, чем предшествующие этапы и совсем не очевидно, что имеющегося политического капитала будет достаточно для решения новых масштабных задач, которые встали перед страной в начале начавшегося электорального цикла.

Вторая гипотеза заключается в том, что для успешного развития государства политическое сознание элиты, ее мышление, должны соответствовать тем масштабным задачам и вызовам, которые стоят перед страной, обладать стратегическим видением и рефлексией. Это должно отличать представителей элиты от рядовых граждан, политическое мышление которых имеет достаточно хаотичный несистематизированный характер. Исследовательский вопрос, который решался в данном проекте, мы сформулировали так: в какой мере человеческий капитал элиты в целом и отдельные его компоненты позволяют ей выполнять свою лидерскую миссию? Какие составные элементы человеческого капитала нуждаются в корректировке, если не отвечают требованиям времени?

Третья гипотеза касалась содержания ценностей, мотивов и других психологических компонентов личности представителей элиты. Мы предположили, что важными факторами, влияющими на становление этих компонентов человеческого капитала служат пол, возраст, происхождение, профессия, тип политической социализации и в целом биографическая траектория политика.

Четвертая гипотеза заключалась в том, что исполняемая представителем элиты конкретная политическая роль накладывает серьезный отпечаток на тип рекрутирования, равно как и на тип лидерства (исполнительного, парламентского, регионального), требующий от политика определенного набора психологических характеристик, соответствующего исполняемой роли.

Наше **пятое** предположение состояло в том, что за постсоветский период уже сложились новые формы и механизмы рекрутирования политической элиты, отличные от советских, позволяющие рассчитывать на появление новых, более современных типов политической элиты.

Шестая гипотеза касалась того необходимого и достаточного набора психологических параметров, которые позволяют описать содержание «человеческого капитала». В этот необходимый и достаточный набор мы включили: самооценку и Я-концепцию, мотивацию, поведенческий стиль, политические представления и ценности политика.

Для проверки указанных общих и нескольких более частных гипотез нами было проведено эмпирическое исследование, объектами которого стали представители исполнительной власти (министры из правительства В.В. Путина), представители региональной власти (губернаторы), а также представители законодательной власти (депутаты ГД и члены Совета Федерации, а также партийные лидеры, лидеры фракций). Отдельной задачей было исследование молодых представителей политической элиты. Анализ включало в себя как выявление личностных особенностей указанных объектов, так и их типологическое исследование.

Наша работа позволила сделать некоторые общие выводы.

Во-первых, изучение особенностей человеческого капитала российских политических элит позволило увидеть в нем действительно мощный психологический потенциал, позволяющий решать серьезные политические, административные и другие государственные задачи. В числе таких ресурсов можно назвать высокий уровень образования, наличие многообразного опыта личного участия в политической деятельности в разных ролях при достаточном молодом среднем возрасте, чтобы успеть еще многому научиться и многое из намеченного осуществить. Сказанное относится и к министрам, и к депутатам, и к губернаторам, при определенных исключениях.

Во-вторых, представители политической элиты России, какое бы место в политической системе они не занимали, являются носителями определенных политических ролей и определяемого ими типа лидерства (исполнительного, парламентского, регионального). Эффективность исполнения политической роли тем или иным субъектом определяется как уникальным набором его личностных особенностей, так и запросами общественно-политической среды. Тем не менее, исследование позволило выявить некоторые общие закономерности в системах личностных характеристик российских политиков, которые позволяют оценивать качество человеческого капитала политической элиты.

В-третьих, при оценке человеческого капитала российских политических элит нельзя не заметить, что в их личностных особенностях есть не только качества и характеристики, которые помогают им в выполнении их лидерских ролей, но и препятствующие в этом. Так, одной из главных проблем у представителей всех типов российских политических элит является недостаточная развитость у них стратегического, рефлексивного мышления, что порождает ситуативное политическое поведение, вечное «тушение пожара» вместо прогнозирования ситуации и внятной стратегии.

Другой особенностью ментальной структуры российской элиты является ценностная чересполосица, невыстроенность приоритетов в отсутствии внятных идеологий. При этом идеологический тип мышления характерен только для партийных представителей политической элиты. Для министров, губернаторов и сенаторов, не говоря уже о представителях более низких уровней власти, все эти «измы» совершенно непонятны и не служат основой для политической идентификации. Элита не может задавать ценностные рамки обществу, если в ее головах приоритеты столь спутаны и хаотичны. При этом в отличие от стран, которые принято называть «развитыми», ценностная структура нашей элиты явно склоняется к приоритетам материалистического типа. Постматериалистические ориентиры явно уступают им. Такая структура архаична и не способствует выполнению элитой своей стратегической миссии.

В-четвертых, если говорить о конкретных личностных компонентах представителей политической элиты, имеют место следующие закономерности.

Я-концепция рассмотренных нами фигур политических деятелей характеризуется существенным разнообразием. Среди министров преобладающим типом является «прагматик» (заниженная самооценка и высокая сложность Я-концепции), для депутатов – «идеолог» (высокая самооценка и низкая сложность Я-концепции), для губернаторов – это «показательный политик» (адекватная самооценка и высокая сложность Я-концепции). В целом, следует

отметить, что наиболее востребованными в современной политике оказались люди с высокой сложностью Я-концепции («аполитичный политик», «прагматик», «показательный политик»), которые способны дифференцированно воспринимать большое число аспектов собственного Я. На наш взгляд, это отражает специфику формирования персонального состава высших органов власти, когда ротация кадров происходит путем перемещения политиков с одной позиции на другую (например, А. Хлопонин или В. Володин). Кроме того, нам представляется, что как сейчас, так и в будущем власти чаще требуются люди со средней и заниженной самооценкой, ориентирующиеся на мнение окружающих (начальства) и способные подстраиваться под это мнение.

В-пятых, по данным исследования наиболее часто встречающейся среди представителей российской элиты является связка **мотивов** достижения и аффилиации. На наш взгляд, это самая подходящая для людей, исполняющих государственные задачи, комбинация. Нацеленность на достижение результата в работе в сочетании со стремлением создания дружественных отношений с коллегами и партнерами являет собой адекватный для российской политики мотивационный комплекс. В тоже время, известно, что доминирование мотива власти в личности политика способствует созданию вокруг него конфликтных ситуаций, деструктивных моментов, неприемлемых для деятельности чиновника самого высокого уровня.

В-шестых, поведенческий стиль подавляющего большинства изученных нами представителей политической элиты относится к типу *«администратор»*, что в наибольшей степени отвечает требованиям нынешней политической системы. Среди изученных персон есть, в соответствии с терминологией Лассвелла, конечно, и *«теоретики»* (идеологи и эксперты) и *«агитаторы»*, но не они являются доминирующими типами. Способность структурировать ситуации, сосредоточенность на выполнении профессиональных обязанностей, отношение к власти как ресурсу – вот лишь небольшой перечень так необходимых российским государственным деятелям характеристик.

В-седьмых, наиболее востребованным стилем межличностных отношений нашей элиты является экстраверсия. При этом люди с высоким уровнем доминирования (более всего он подходит для руководителей субъектов Федерации, обладающих определенной самостоятельностью внутри своего региона), способны решать амбициозные задачи, реализовывать крупномасштабные проекты. Экстраверсия с низким уровнем доминирования способствует успешным межличностным отношениям, последовательному осуществлению политических решений.

В-восьмых, когнитивные компоненты личности политиков (политические ценности и представления) являют собой тот стержень личности,

который определяет ее направленность и поведенческие реакции. Важно отметить, что в силу своей публичности губернаторы, депутаты и министры склонны демонстрировать те политические представления и ценности, которые соответствуют ожиданиям, как общественности, так и непосредственного руководства. Отсюда выявленный нами комплекс ценностей-стереотипов, ключевое место в котором занимают ценности патернализма и сотрудничества как наиболее актуальные для государственных чиновников самого высокого ранга. Практически все изученные нами политики (за исключением двух: бывшего министра правительства В.В. Путина А. Фурсенко и депутата Государственной Думы А. Бабакова) являются носителями материалистических ценностей. В этом они ничем не отличаются от обычных граждан, обеспокоенных отсутствием стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Вообще, в отношении набора ценностей большого отличия элиты от населения не наблюдается. А в случае, когда ценности элиты противоречат ценностям общества, политики нередко не спешат публично это демонстрировать, и предпочитают говорить то, чего от них хочет услышать общество. Поэтому неудивительно, что дискурс элиты смещен влево, в то время, как политическое поведение – вправо.

В-девятых, в том, что касается **социально-демографических характеристик** представителей элиты, следует отметить несколько важных моментов.

Так, наиболее востребованными в политической системе сегодня являются *мужчины* среднего и старшего возраста. Ничтожное число женщин во власти – характерная особенность современной российской элиты.

В *возрастном плане* имеет место тенденция к омоложению элиты. В условиях модернизации всех сфер жизни и объявленного руководством страны курса на инновационное развитие молодость для политика является существенным преимуществом. Отсюда приток в политику на всех уровнях и в околополитическое пространство большого количества молодежи из различных общественно-политических движений и организаций.

Еще одной важной тенденцией является повышение уровня *образованности* российской элиты. Наличие одного образования воспринимается сегодня скорее как дурной тон, поэтому политики стремятся обзавестись не только вторым высшим образованием, но и ученой степенью. В то же время при высоком уровне общей образованности нельзя сказать, что оно достаточно для выполнения элитой своей роли. Понятно, что речь идет не о формальных дипломах (с этим у нашей элиты все в порядке). Но нашей политической элите сегодня серьезно не хватает глубоких, фундаментальных знаний об обществе, в котором она живет, важнейших закономерностях общественного и политического развития в стране и в мире, о современных

технологиях управления и осуществления власти, без которых не только она, но и мы все обречены на то, чтобы плестись в хвосте мирового развития.

С точки зрения карьерной траектории и *профессионального бэкграунда* наиболее востребованными сегодня являются люди с опытом предпринимательской деятельности и государственной службы. Понимание экономических проблем изнутри, а также опыт работы в государственном секторе – ключевые характеристики профессионального уровня людей, приходящих в высший эшелон власти.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются возможности, предполагающие политико- психологический подход к оценке российских политических элит. Автор обосновывает теоретическую модель такого анализа и показывает его возможности, приводя некоторые результаты большого эмпирического исследования психологических особенностей представителей российских политических элит: министров, губернаторов, сенаторов и депутатов.

Elena B. Shestopal

THE PSYCHOLOGICAL APPROACH TO THE RUSSIAN POLITICAL ELITE

The paper discusses the possibilities that political psychology provides for analysis of Russian political elites. Theoretical model, elaborated by the author, shows these possibilities on the basis of empirical data from a big study of psychological characteristics of Russian ministers (from Putin's government), regional governors, senators and State Duma deputies.

KEY WORDS: *Russian political elites, human capital, political psychology*

Список литературы

П. Бурдье, *Социология политики*, Москва 1993.

О.В. Гаман-Голутвина, *Политические элиты России: персональный состав и тенденции эволюции*, Москва 2004.

- M. Dogan, J. Higley, *Elites, Crisis and Regimes in Comparative Perspective Analysis*, [in:] M. Dogan, J. Higley, *Elites, Crisis and the Origine of Regimes*, New York – Oxford 1998.
- Е.Б. Шестопал, *Сценарии развития внутренней политики России на среднесрочный период: взгляд из центра и регионов*, [в:] *Постсоветская Россия: специфика политического процесса и состояние государственности*, Москва 2008, Горбачев-фонд.
- Е.Б. Шестопал, А.В. Селезнева (ред.), *Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ*, Москва 2012.